

В ДОРОГЕ

Очарованное безмолвие
Серебристо-белых полей,
Набегают пригорки волнами,
Тянут лёгкой позёмки шлейф.

Вдаль посмотришь, и вдруг поверится –
Пух из ангельского крыла.
В это время когда-то первенца
Богородица родила.

О, свобода, любовь, печаль моя,
Как близки вы в такие дни!
Устремляется вдаль венчальная
Величавая песнь равнин.

АПРЕЛЬ В ДЕНЖИ-АН-ВУАЖ

В России снег и холод, пишешь ты,
Ломают все намеченные планы.
А здесь давно магнолии цветы
Пьют по утрам осевшие туманы.

И ароматом сладостным пьянят,
К подножьям гор припавшую округу,
И травы изумрудные манят
К альпийскому ухоженному лугу.

Из облаков выныривает вдруг
Двойная радуга над быстрой Роной,
А ветер свеж и радостно-упруг,
Играет пышной невысокой кроной.

Случайно обрывает лепестки
И засыпает землю словно снегом,
И без ресниц забавные цветки
Таращатся испуганно с побегов.

Возможно, их пугают холода
В далёкой и загадочной России,
Где много-много снега и всегда
Земля подолгу спит в анестезии.

И даже пробудившись после сна,
Ворочается, сразу не вставая.
Но как же притягательна она!
Её просторы... Тайна вековая...

В судьбе России – музыка гармоней,
Её глубинный культовый мотив.
Гармонь живёт не в вычурном салоне.
Всю гамму жизни в звуках воплотив,
Она вмещает русские просторы,
Историю накопленных веков,
Морозные изящные узоры
И шёпот заповедных родников.

Дубов могучих грозное ворчанье
И песни белоствольные берёз.
Гармонь собой без устали венчает
Разливы счастья и потоки слёз.
О, сколько раз она спасала души,
В отчаянье не позволяя впасть.
А что сейчас? Её напевы глушит
Технических нововведений власть.
Приходят в жизнь теперь совсем другие
Далёкие и близкие шумы.
Но вдруг пробьются звуки дорогие –
Гармони русский голос слышим мы.
Неважно где – на улице, под крышей
В концертном зале или у пруда,
В руках затейливых гармошка дышит
Святой любовью к родине всегда.

Музыка –
Слово родившее звук?
Звуком рождённое слово?
Множества творческих мук
Музыка первооснова.
В ней вдохновенья каскад
Ищут поэт и художник,
Россыпью быстрых токкат
Музыка душу тревожит.
Вторит ей гром вдальеке.
Ближе, в родном интерьере,
Хлопают на сквозняке
Полуоткрытые двери.
Плечи укутать быстрее
Шарфиком из кашемира,
Сердцем услышать острее
Музыку брэнного мира.
Грезить о мире ином,
Здесь оставаясь, и снова
В песне дождя за окном
Выудить нужное слово.

С БЕЗВРЕМЬЕМ НАЕДИНЕ

Сквозь боль и опыт, кровь и ужас
Победа силилась взойти,
Страна, вдруг стойкость обнаружив,
Старалась перекрыть пути
Врагу-садисту. Мир терзая
Тот сеял, сеял смерть вкруг.

И, когти в каждый метр вонзая,
Был многоног и многорука.

Мой дядя не успел увидеть
Освобождённый отчий дом.
Он, не умевший ненавидеть,
Был жгучей яростью ведом,
Когда бросал свой танк бесстрашно
В заведомо неравный бой,
В кулак зажав и стыд вчерашний,
И нескончаемую боль.

Тогда же снилось: утром мгlistым
Он трактор в поле выводил.
Хлопок, почти такой как выстрел,
Тревогой смутною будил
Округу мирную. Над липой
Взмывали мрачные грачи
И с высоты грозили хрипло,
Направив вниз носы-мечи.

И лишь команда: «По машинам!»
Сон не давала досмотреть.
И снова – твёрдая решимость
Бой принимать сейчас и впредь.
Теснить врага и не сдаваться,
Освободать за пядью пядь,
И может всё-таки дожидаться
Возможности родных обнять...

Не знаем даже где могила.
О, сколько их, таких как он,
Земля навеки поглотила,
Развеив след, как смутный сон.
И только в память о минувшем,
С безвременьем наедине,
Мерцают в небе искры-души
Погибших в праведной войне.

Ну, здравствуй, Харьков. Я рада встрече,
А ты, скажи мне, ей тоже рад?
Тогда зачем же, как можно крепче,
Ты вяжешь сети сплошных преград.

Здесь моя юность живёт как прежде
В тенистом парке и на Сумской¹,

¹ Улица Сумская в Харькове.

И вновь девчонкой в цветной одежде
Вдруг исчезает в толпе людской.

А пограничник своим «допросом»
Отрезать хочет от жизни часть,
Угрюмо ставит силки вопросов,
Я умиряю рассудком страсть.

Внутри клокочет негодование,
Но улыбаюсь – «держу лицо».
В душе, на «мове» национальной
Клянусь безбожно всех подлецов.

Разъединило страну на части
Однажды разных мастей жульё,
Плодов Майдана ползёт ненастье
И сеет морок и забытьё.

Змеёй кусачей лежит граница,
Без церемоний не перейти.
Хочу вздремнуть я – пускай приснится,
Что больше нет мне преград в пути.

У ПАМЯТНИКА ВОИНУ-ОСВОБОДИТЕЛЮ

Село Дерновое, Сумская область, Украина

*В годы Великой Отечественной войны погибло 116 моих
односельчан.*

В их числе: 32 – Давыдовы, 23 – Басовы, 14 – Бобровы.

*Все они в той или иной степени мои родственники,
в частности, среди погибших два родных дяди – Давыдов
Тихон Прокофьевич и Давыдов Михаил Прокофьевич и муж
моей тёти – Басов Ефим Иванович.*

Здесь когда-то, над этой кручей,
Диким тёрном заросшей плотно,
Встал мой предок стопой могучей
Основательно и добротю.

И Давыдов, Бобров и Басов
(Три фамилии – три опоры),
Как герои былинных сказов
Выходили с врагами «спорить».

Защищали родную землю,
А потом возвращались в поле
И, наказу природы внемля,
Там работали до мозолей.

Я стою на высоком месте,
Вглубь столетий стремясь проникнуть.
Вижу волны лихих нашествий,
Вижу: люди за правду гибнут...

Озираюсь. Солдат склонился,
Возлагает венки погибшим.
Вьются вороны скорбных мыслей –
Вдруг он станет однажды лишним.

Больше ста человек на плитах
У подножия обелиска
Перечислены мелким шрифтом.
Треть – Давыдовы в этих списках.

Я – Давыдова. Предки славой
Не единожды род венчали
И гордились своей державой.
Что ж терзают меня печали?!

Над Украиной зловещим дымом
Флаги чёрные яро вьются.
Как такое стерпеть родимым,
Как в гробу не перевернуться?

А стервятники смотрят хищно.
Их добыча – сама Победа.
И всё чаще и громче слышно
Словоблудье на грани бреда.

Но пока сохраняют люди
Свою память хотя бы где-то
Будет вера и правда будет
Пробиваться лучами света.

И Давыдов, Бобров и Басов,
У небесного встав редута,
Неизбывным боезапасом
Защищать свою землю будут.